

Артур Вэнс

Груз повседневности

Артур Вэнс

Груз повседневности

«Автор»

2026

Вэнс А.

Груз повседневности / А. Вэнс — «Автор», 2026

Представляю Вашему вниманию сборник ироничных рассказов о том, что даже запрограммированные существа учатся быть «людьми» — ссориться, мириться, творить безумства и находить счастье в мелочах. Познакомьтесь с экипажем «Искры»: Шахтёром, который пишет стихи про свой бур; Логистом, пытающимся вычислить формулу красоты; Мелодией, способной превратить техногенную катастрофу в оперу; Реликтом, коллекционирующим камни и мудрость, а также многими другими персонажами. Вас ждёт эпическая партия в «Монополию», закончившаяся дракой, отключение гравитации, сеанс коллективного безумия с кофеваркой из запчастей и встреча с «зовом предков», который оказался... ну, вы уже поняли. Это «Груз повседневности». Истории о том, что дом — это не место, а шум, который Вы создаёте вместе. P.S. Рекомендуется после прочтения первой книги... или нет?

© Вэнс А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Цикл первый. Хроники межзвёздного полета	5
Вечер настольных игр	5
Кто выключил гравитацию?	9
Кофейная церемония	14
Спасите капитана	20
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Артур Вэнс

Груз повседневности

Цикл первый. Хроники межзвёздного полета

Вечер настольных игр

(Рассказ из цикла «Хроники межзвёздного полёта»)

– Я нашёл это в архивах Земли, – торжественно объявил Инженер, водружая на стол в кают-компании потрёпанный планшет. – Древняя игра. Называется «Монополия».

На мостике «Искры» царила та особенная, тягучая тишина, которая бывает только на третьей неделе полёта в никуда. Все ключевые узлы давно проверены, аварийных сигналов нет, а до следующей точки прыжка – ещё четверо суток. Самое время для тотальной скуки.

– Игра? – Логист поднял голову от своих бесконечных расчётов. Его бирюзовая полоса замерцала с лёгким интересом. – Симуляция экономических отношений? Вероятность пользы для оптимизации ресурсов корабля – 0,002%. Но как способ убить время – допустимо.

– Там есть деньги, – добавил Инженер, пролистывая инструкцию. – Нужно покупать улицы, строить дома и пускать других игроков по миру.

Глаза Шахтёра, до этого смотревшие в пустоту с выражением глубокой, каменной тоски, вдруг ожили.

– Пускать по миру? – переспросил он. – Это мне нравится.

– Я в деле, – отозвалась Мелодия, быстро приближаясь к столу. – Только давайте без правил. Я буду петь, когда захочу купить что-нибудь.

– Правила – единственное, что превращает хаос в систему, – возразил Логист, уже загружающий файл в свой процессор. – Без правил это не игра, а беспорядок.

– Беспорядок – это моё второе имя, – хихикнула Мелодия.

Вайлет, сидевший в углу с видом синтета, который вышел на пенсию, но не знает, чем себя занять, «тяжело вздохнул» и подошёл ближе.

– Я буду наблюдать. И защищать игровой процесс от внешних угроз.

– Каких угроз? – удивился Инженер.

– Мало ли, – многозначительно ответил Вайлет, присаживаясь на подлокотник кресла. Его красные сенсоры сканировали стол с таким видом, будто он мог в любой момент напасть.

Последним, к всеобщему удивлению, присоединился Реликт. Он молча поставил на стол небольшой, идеально круглый камешек.

– Это моя фишка, – пояснил он. – Она приносит удачу.

– Это просто камень, – заметил Логист.

– Да. Но я больше ста лет ношу его в кармане. Он ещё ни разу не подвёл.

Минут через пять 3D принтер, закончив жужжать, предоставил игрокам все необходимые атрибуты.

Правила игры

Логист взял на себя роль ведущего. Он безупречно, слово в слово, зачитал инструкцию. На это ушло двадцать семь минут.

– ...игрок, оказавшийся на поле «Шанс», тянет карту из колоды и выполняет указанное действие, – закончил он. – Вопросы есть?

– У меня вопрос, – поднял руку Шахтёр. – Где здесь взрывчатка?

– Какая взрывчатка?

– Ну, чтобы пускать по миру. Ты же сказал, тут можно взрывать.

– Я сказал «пускать по миру», – терпеливо поправил Логист. – То есть разорять, лишать финансов.

– А-а, – разочарованно протянул Шахтёр. – То есть просто отбирать деньги. Скучно.

– Можно я буду петь, когда бросаю кубик? – спросила Мелодия.

– Это не предусмотрено правилами, – отрезал Логист.

– А если я спою очень тихо?

Логист открыл рот для возражения, но Капитан, до этого молча наблюдавший за происходящим из своего угла, подал голос:

– Пусть поёт. В рамках художественной самодеятельности.

Ход первый: Логист

Логист подошёл к игре со всей ответственностью. Первым же ходом он купил улицу. Вторым – ещё одну. К третьему ходу он уже строил на них дома, предварительно рассчитав оптимальную стратегию инвестиций, окупаемость и вероятность банкротства соперников в течение следующих двадцати ходов.

– Вероятность моей победы, – объявил он, поправляя стопочку идеально ровно сложенных игровых денег, – составляет 89,7%. Остальные 10,3% приходятся на фактор случайности, который я минимизировал, проанализировав траекторию бросков кубика.

– Ты проанализировал кубик? – восхитилась Мелодия.

– Это несложно. Центр масс смещён на 0,02 миллиметра в сторону четвёрки. Я буду бросать под углом 37 градусов, чтобы компенсировать дисбаланс.

Вайлет, который до этого просто сидел, вскочил на ноги.

– Это нарушение! – заявил он. – Использование аналитических способностей для получения преимущества – это... это...

– Это называется «играть», – холодно заметил Логист. – Я использую свои ресурсы. Вы тоже можете.

Ход второй: Шахтёр

Шахтёр не вникал в правила. Он вообще плохо понимал, зачем нужны все эти улицы и дома, если их нельзя взорвать. Его стратегия была проста: если на его поле оказывался кто-то чужой, он требовал плату. Если платить отказывались – он грозно скрежетал манипуляторами.

– Это «Боу-стрит», – объявил Логист, останавливаясь на его клетке. – Ты владеешь этой улицей. Я должен тебе двадцать кредитов.

– Двадцать? – Шахтёр нахмурился. – Мало.

– Так написано в правилах.

– Правила написаны для слабаков. Давай пятьдесят.

– Это нечестно.

– Жизнь – нечестная штука, – философски заметил Шахтёр, забирая у ошарашенного Логиста пятьдесят кредитов. Мелодия захихикала.

Ход третий: Мелодия

Мелодия, как и обещала, пела. Она пела, когда бросала кубик. Она пела, когда покупала улицу. Она пела, когда попадала в тюрьму (и спела там арию из трёх частей о несправедливости системы).

Её игровая стратегия заключалась в том, чтобы покупать всё подряд, не глядя, а потом менять у соседей то, что купила, на то, что ей нравилось больше, потому что «этот синий красивее, чем тот красный».

– Я дам тебе все свои отели за этот зелёный уголок, – предложила она Реликту.

– Это просто поле, – заметил Реликт.

– Оно напоминает мне о Земле. О траве. Я хочу его.

Реликт пожал плечами и согласился. Ему было всё равно, он пришёл сюда ради камня.

Ход четвёртый: Реликт

Реликт играл молча. Он не строил, не покупал, не торговался. Он просто сидел, держа в руке свой камешек-талисман, и время от времени передвигал фишку, когда наступала его очередь.

– Тебе неинтересно? – спросил его Инженер.

– Мне интересно наблюдать за вами, – ответил Реликт. – Каждый играет по-своему. Логист – по расчёту. Шахтёр – по интуиции и силе. Мелодия – по вдохновению. Вайлет – по долгу. Это... познавательно.

– А ты? – не отставал Инженер.

– Я – как этот камень, – Реликт чуть сжал ладонь. – Просто присутствую.

Кризис

К середине игры Логист, несмотря на попытку Шахтёра его ограбить, снова вырвался в лидеры. Его империя неумолимо росла, подчиняясь строгой математической логике. Шахтёр, лишившийся почти всех денег, мрачнел на глазах. Мелодия окончательно запуталась, что у неё есть, а чего нет, и теперь просто передвигала фишку туда, куда укажет Капитан, который наблюдал за её полем с отеческим снисхождением.

– Ты должен мне четыреста кредитов, – объявил Логист, обращаясь к Шахтёру. – Согласно правилам, если ты не можешь заплатить, ты обязан объявить себя банкротом и выйти из игры.

Шахтёр медленно поднял голову. Его оптические сенсоры сузились до двух багровых щёлок.

– Выйти? – переспросил он голосом, от которого, казалось, завибрировала палуба.

– Это предусмотрено правилами, – невозмутимо повторил Логист.

– А я не предусмотрен, – рявкнул Шахтёр и со всей силы грохнул кулаком по столу.

Игровое поле подпрыгнуло. Фишки, дома, отели и пачки кредитов разлетелись по всей кают-компании, смешиваясь в хаотичный, разноцветный вихрь. Одна из фишек – металлический уютюк – врезалась Вайлету прямо в лоб.

– Атака! – заорал Вайлет, вскакивая и принимая боевую стойку. – Всем на палубу! Защищаем игровой процесс!

– Какой процесс?! – закричала Мелодия, в восторге хлопая в ладоши манипуляторами. – Это же полный беспорядок! Это прекрасно!

Логист с ужасом смотрел на разлетающиеся по комнате результаты его многочасовых расчётов. Его идеальная стратегия, его 89,7% вероятности победы – всё это лежало на полу, смешанное с пылью и каменной крошкой, которую Реликт рассыпал из кармана, когда вскочил с места.

– Это... неэффективно, – прошептал он, глядя на то, как кредит «10 долларов» медленно планирует под потолок, занесённый потоком воздуха от системы вентиляции.

– Зато весело! – прокричала Мелодия, бросаясь ловить кредиты. – Смотрите, у меня получилось поймать целых три!

Финал

Через час, когда хаос немного улёгся, а Вайлет наконец убедился, что утюжок был не замаскированным боевым дроном, экипаж сидел на полу посреди останков «Монополии».

– Ну что, – спросил Капитан, который так и не сыграл ни разу, но получил от зрелища не меньше удовольствия, – кто выиграл?

– Я потерял всё, – мрачно констатировал Логист, глядя на пустые манипуляторы.

– Я не понял, выиграл я или проиграл, – признался Шахтёр. – Но я хорошо стукнул кулаком. Это засчитывается?

– Я поймала двенадцать кредитов и одну гостиницу, – гордо отрапортовала Мелодия. – Значит, я победила!

– Ты поймала чужую собственность, – заметил Инженер, собирая рассыпавшиеся по полу игральные кости. – По правилам, это называется воровством.

– По моим правилам – называется удачная охота.

Реликт молча поднял с пола свой камешек-талисман, укатившийся под кресло, и положил его обратно в карман.

– Камень цел, – коротко сказал он. – Я в выигрыше.

Вайлет, который всё это время простоял в боевой стойке, наконец расслабился.

– Угроза нейтрализована, – объявил он, хотя никто не понял, какая именно. – Игровой процесс сохранён.

– Да как он сохранён?! – возмутился Логист. – Его больше не существует!

– В таком случае, – подвёл итог Капитан, с трудом сдерживая смех, – предлагаю считать эту игру самой успешной за всю историю «Искры». Потому что никто не выиграл, но все остались довольны. Ну, почти все.

Он покосился на Логиста, который всё ещё гипнотизировал взглядом пустое место, где минутой раньше лежали его кредиты.

– Логист, ты как?

– Я пытаюсь пересчитать вероятность нашего возвращения к рациональному досугу, – «сквозь зубы» процедил тот. – Пока что она равна нулю.

– Значит, нам есть к чему стремиться, – философски заметил Реликт.

Мелодия засмеялась, подбросила в воздух пригоршню найденных кредитов, и те снова закружились по кают-компании, сверкая в тусклом свете аварийных ламп.

А «Искра» всё так же летела вперёд, унося в своём чреве этот маленький, нелепый, абсолютно бессмысленный и оттого бесконечно ценный шум.

Кто выключил гравитацию?

(Рассказ из цикла «Хроники межзвёздного полёта»)

Всё началось с тишины.

Не той космической, величественной тишины, которая обычно сопровождала полёты «Искры», и не той зловещей, липкой тишины, которая предшествовала появлению «Чёрного Молчания». Это была тишина бытовая, которая наступает, когда перестаёт гудеть что-то, что гудело всегда, и ты только в этот момент понимаешь, что оно вообще гудело.

Генератор гравитации перестал гудеть.

Мелодия, которая в этот момент пыталась записать новую композицию, вдруг почувствовала странную лёгкость. Сначала она подумала, что это вдохновение. Потом она подняла руку, чтобы поправить кристалл на ожерелье, и с удивлением обнаружила, что рука не опускается обратно.

– Ой, – сказала она.

В ту же секунду её кресло, в котором она сидела, плавно оторвалось от пола и поплыло в сторону мостика.

– Ой-ой-ой! – добавила Мелодия, хватаясь за подлокотники, которые, естественно, ни за что не держались, потому что тоже парили вместе с ней.

В машинном отделении Инженер, возившийся с очередной заплаткой, вдруг почувствовал, что его инструменты перестали падать, когда он их ронял. Он уронил отвёртку специально, чтобы проверить. Отвёртка зависла в воздухе ровно там, где он её выпустил, и медленно, очень медленно, начала вращаться вокруг своей оси, сверкая тусклым металлическим блеском.

– Красиво, – оценил Инженер, прежде чем до него дошло, что красиво – это не тогда, когда отвёртка парит, а когда гравитация работает как положено.

– Ай! – донёсся откуда-то сверху глухой удар.

Инженер задрал голову и увидел Шахтёра. Тот висел под потолком, вверх ногами, и его манипуляторы беспомощно скребли по гладкой поверхности, пытаясь за что-нибудь зацепиться.

– Ты как туда забрался? – удивился Инженер.

– Я не забирался! – рявкнул Шахтёр, брыкаясь в воздухе. – Я работал! С буром! А бур улетел! Я за ним полез, а тут эта... эта... невесомость проклятая!

– Бур улетел? – переспросил Инженер, и в этот момент мимо него, плавно вращаясь, проплыл здоровенный бур, который Шахтёр, видимо, пытался починить. – А, вот он.

– Лови его!

– Как?

– Манипуляторами!

Инженер попытался поймать бур, но в невесомости любое движение приводило к тому, что ты начинал вращаться в противоположную сторону. Он схватился за поручень, оттолкнулся ногой, пролетел мимо бура, зацепился за свисающий кабель, дёрнулся и врезался головой в противоположную стену.

– Не получается, – констатировал он, потирая слегка ушибленный сенсор.

На мостике ситуация развивалась стремительно.

Логист, который, как обычно, сидел за своим терминалом и просчитывал вероятности, первым заметил проблему. Он заметил её потому, что его терминал, закреплённый на столе, остался на месте, а сам Логист начал медленно подниматься.

– Зафиксировано отклонение от штатного режима гравитации, – доложил он ровным голосом, даже не пытаясь удержаться. – Вероятность технического сбоя – 73%. Вероятность

внешнего воздействия – 12%. Вероятность того, что Инженер опять что-то сломал – 99,9%, но эти 0,1% я оставляю на... впрочем, нет, 100%.

– Я ничего не ломал! – донёсся из динамика возмущённый голос Инженера. – Я, между прочим, пытаюсь поймать бур Шахтёра, который летает по машинному отделению!

– Бур не может летать по машинному отделению, – возразил Логист. – Бур – это не аэродинамический объект.

– А вот он летает! И Шахтёр тоже летает! И я, кажется, тоже лечу!

В этот момент в проёме двери показалась Мелодия. Она плыла, сидя в своём кресле, как королева на троне, и делала манипуляторами плавные пассы.

– Смотрите, я как облако! – радостно объявила она. – Я всегда мечтала попробовать невесомость! Это так вдохновляет! Я сейчас такое сочиню!

– Не надо ничего сочинять, – простонал Капитан, который висел под самым потолком мостика, вцепившись в осветительную панель. Его правый манипулятор дёргался в привычном паттерне 1-3-1, но теперь эти движения заставляли его медленно раскачиваться из стороны в сторону, как маятник. – Лучше подумай, как нам всем вернуться на пол.

– А зачем? – искренне удивилась Мелодия. – Тут так интересно! Можно плавать, как рыбы! Помните, в земных архивах были рыбы?

– Я не рыба, – мрачно заметил Вайлет, который тоже висел под потолком, но в отличие от КЭПа, он висел вниз головой и при этом умудрялся сохранять идеально прямую, боевую стойку. Его красные сенсоры лихорадочно сканировали пространство в поисках угрозы. – Я «Страж». Моя функция – защита, а не плавание. Это унижительно.

– Расслабься, – посоветовала Мелодия. – Получай удовольствие.

Вайлет дёрнулся и от этого движения начал медленно вращаться вокруг своей оси, сохраняя при этом ту же идеально прямую позу. Он напоминал волчок, который забыли раскрутить.

– Я не получаю удовольствие, – процедил он сквозь зубы. – Я контролирую ситуацию. Контролирую... я теряю контроль...

– Ты просто вращаешься, – успокоила его Мелодия. – Это нормально. Я тоже вращалась, пока не научилась управлять. Смотри.

Она ловко оттолкнулась от спинки кресла, перевернулась в воздухе и приземлилась (вернее, приплыла) ногами к потолку.

– Видишь? Это просто навик.

– Я не хочу навик плавания! Я хочу стоять на полу! – заорал Вайлет, вращаясь всё быстрее.

Тем временем в коридоре раздался странный звук. Что-то тяжёлое, гулкое и, судя по звуку, очень твёрдое, с грохотом двигалось в их сторону.

– Что это? – насторожился Капитан.

– Это Реликт, – донёсся из коридора спокойный голос. – И мои камни.

В проёме показался Реликт. Он плыл, сохраняя идеальное равновесие, и перед ним, словно свита, плыла целая коллекция минералов. Кварц, базальт, гранит, осколок Сада, ещё какие-то обломки – все они парили в воздухе, послушно следуя за своим хозяином, который, казалось, даже не замечал, что происходит что-то необычное.

– Реликт! – обрадовалась Мелодия. – Как ты это делаешь?

– Что именно? – уточнил Реликт, осторожно подгребая к себе зазевавшийся кусок известняка.

– Летает и камни с собой таскает!

– А, это, – Реликт пожал плечами, отчего его траектория слегка изменилась, и он плавно обогнул вращающегося Вайлета. – Я просто не сопротивляюсь. Камни тоже не сопротивляются. Мы плывём туда, куда нас несёт.

– Это не метод! – рявкнул Вайлет, который к этому моменту сделал уже около тридцати оборотов вокруг своей оси. – Это капитуляция!

– Это дзен, – возразил Реликт.

– Выключите это кто-нибудь! – заорал Шахтёр, влетая на мостик. Он по-прежнему висел вверх ногами, и в каждой руке он держал по здоровенному буру, которые, судя по всему, ему наконец удалось поймать. – Я не могу так работать! Мой бур не хочет бурить в воздухе! Он бурит воздух! Это бесполезно!

– Бурить воздух – это оксюморон, – заметил Логист, который к этому моменту уже вычислил траекторию своего движения и теперь методично, толчками, перемещался от стола к стене, от стены к потолку, каждый раз сверяясь с показаниями инерциальных датчиков. – Если вы находитесь в гомогенной среде, отсутствие точки опоры делает процесс бурения бессмысленным. Рекомендую прекратить.

– Я не могу прекратить! – взревел Шахтёр. – Я шахтёр! Моя функция – бурить! Если я не бурю, я не шахтёр!

– Ты всегда можешь стать кем-то ещё, – хихикнула Мелодия.

– Я не хочу быть кем-то ещё! Я хочу быть шахтёром! На твёрдой поверхности!

В этот момент Логист, совершая очередной манёвр, случайно задел ногой панель аварийного освещения. Панель, которая, как выяснилось, крепилась на честном слове и двух саморезах, оторвалась и медленно поплыла в центр комнаты, крутясь и сверкая искрящими проводами.

– Осторожно! – крикнул Вайлет, который тут же перестал вращаться (вернее, продолжил медленно вращаться, но теперь ещё и пытался увернуться от панели). – Угроза! Летящий объект!

– Это просто панель, – успокоил его Инженер, который тоже наконец добрался до мостика, вцепившись в спину Реликта и используя его как буксир. – Она не опасна.

– Она летит прямо на меня!

– Увернись.

– Я не могу увернуться, я вращаюсь!

– Тогда вращайся быстрее, может, пронесёт.

– Это не тактическая рекомендация!

– Это жизненный совет!

Капитан, который к этому моменту устал висеть на светильнике и решил рискнуть, отпустил манипуляторы и поплыл вниз (или вверх? в невесомости было непонятно). Он планировал мягко приземлиться (приплыть?) к центральной консоли, но в последний момент его нога зацепилась за вращающегося Вайлета, и они оба, сцепившись, как два борца, начали кувыркаться в воздухе, сшибая на своём пути всё, что ещё не успело улететь.

– Капитан! – закричала Мелодия в восторге. – Вы танцуете!

– Я не танцую! – рявкнул КЭП, пытаясь отцепиться от Вайлета, который вцепился в него мёртвой хваткой, потому что его протоколы предписывали защищать капитана любой ценой, даже ценой совместного кувыркания в невесомости. – Я падаю!

– В невесомости нельзя упасть, – заметил Логист. – Можно только перемещаться.

– Заткнись, Логист!

В этот момент Шахтёр, наблюдая за этой кутерьмой, расхохотался. Он хохотал так сильно, что его бур, который он всё ещё сжимал в руках, выскользнул и, описав красивую дугу, врезался прямо в ту самую панель, которая летела на Вайлета. Панель разлетелась на тысячу искр, бур изменил траекторию и полетел обратно к Шахтёру, тот поймал его, не глядя, и продолжил хохотать.

– Это было... – начал Инженер.

– Эффектно, – закончил за него Реликт.

– Я бы сказал «случайно», – поправил Логист.

– Неважно, – отмахнулся Инженер. – Главное, что все живы. Ну, кроме панели. Панель мы потеряли.

Панель, издав последний предсмертный писк, погасла.

Тишина, наступившая после этого, была нарушена только тихим жужжанием систем вентиляции и лёгким, едва слышным, смехом Мелодии.

– А знаете, – сказала она, – это был лучший день в моей жизни.

– Ты с ума сошла, – констатировал Вайлет, наконец-то остановивший своё вращение и теперь висевший вниз головой, с видом глубокого морального истощения.

– Нет, правда! – Мелодия раскинула руки и поплыла по комнате, как птица. – Мы никогда так не делали. Никогда не летали все вместе. Это... это как новая музыка. Хаотичная, но прекрасная.

– Это сбой, – возразил Логист. – Техническая неисправность. Её нужно устранить, а не воспевать.

– Устраняй, – согласилась Мелодия. – А я пока летаю.

Инженер, вздохнув, отцепился от Реликта и, цепляясь за стены, поплыл в сторону машинного отделения.

– Пойду искать причину, – буркнул он. – Хотя подозреваю, что виноват Шахтёр и его бур.

– Мой бур тут ни при чём! – возмутился Шахтёр. – Он просто хотел полетать!

– Все хотят полетать, – философски заметил Реликт, подгребая к себе отколовшийся кусок панели и с интересом его разглядывая. – Интересный образец. Металл с примесью кремния. На память пойдёт.

Через три минуты Инженер объявил по внутренней связи:

– Внимание. Я нашёл проблему. Это не Шахтёр. И не его бур. Это просто реле. Оно заклинило. Сейчас я его перезапущу. Приготовьтесь к тому, что гравитация вернётся.

– А если мы не хотим? – спросила Мелодия.

– Хотите, не хотите, – отрезал Инженер. – Время полётов окончено.

– Жалко, – вздохнула Мелодия, но послушно подплыла к своему креслу и уселась в него, приготовившись.

Шахтёр снова поймал бур (один из двух), Вайлет выровнялся (насколько это было возможно), КЭП вцепился в консоль, Логист замер в идеальной позе, а Реликт бережно сложил все свои камни в кучу рядом с собой.

– Давай, – скомандовал Капитан.

Инженер нажал кнопку.

Гравитация вернулась мгновенно и безжалостно.

Всё, что парило в воздухе, с грохотом рухнуло на пол. Бур, камни, обломки панели, сама панель, Мелодия (которая не успела дописать свою арию), Шахтёр (который успел поймать только один бур), и, конечно, Вайлет, который в последний момент попытался принять боевую стойку и для этого подпрыгнул, что в условиях гравитации привело к тому, что он просто подпрыгнул и снова упал, но уже с выражением глубокого удовлетворения на лице.

– Хорошо, – сказал он, потирая манипулятор. – Твёрдо. Надёжно. Как надо.

Камни Реликта рассыпались по всей палубе. Он вздохнул и начал методично их собирать.

– Теперь придётся заново классифицировать, – заметил он. – Но ничего. Я запомнил, где какой лежал.

Логист, который при падении чудом не разбил свой терминал, находился на полу и смотрел в одну точку.

– Мои расчёты... – пробормотал он. – Я только что вычислил идеальную траекторию перемещения в невесомости. Я мог бы написать алгоритм. Я мог бы...

– Мог бы, но не написал, – перебил его Инженер, появляясь в дверях. – И хорошо. А то бы мы все тут летали по алгоритму, а не просто так.

– Просто так – это хаос, – возразил Логист.

– Иногда хаос – это тоже порядок, – заметил Реликт, поднимая с пола последний камень. – Просто другой.

Капитан, который так и не выпустил консоль из рук, медленно выпрямился и обвёл взглядом свой экипаж. Разбросанные по всей палубе, помятые, но улыбающиеся (ну, кроме Логиста), они напоминали ему старую земную фотографию, которую он когда-то видел в архивах. Семейный пикник после того, как ветер унёс все тарелки.

– Знаете что, – сказал он. – Я, пожалуй, тоже проголосую за версию Мелодии. Это был хороший день.

– Даже несмотря на сбой? – уточнил Инженер.

– Именно благодаря сбою, – поправил КЭП. – Иногда нужно, чтобы гравитация отключалась. Чтобы понять, как сильно ты к ней привык.

Мелодия медленно подошла к нему и ткнулась головой в его грудь.

– Капитан, – сказала она. – А можно мы ещё когда-нибудь отключим гравитацию? Только понарошку?

– Можно, – улыбнулся КЭП. – Но сначала Инженер поставит мягкие маты на все стены.

– Это неэффективно, – начал Инженер.

– Это приказ, – отрезал КЭП.

Инженер вздохнул, но кивнул.

А где-то в углу, под креслом Логиста, лежал маленький, забытый всеми камешек. Тот самый, который Реликт обронил, когда гравитация включилась. Он был гладким, тёплым и совершенно счастливым лежать именно здесь, в этом углу, а не в кармане.

– На память, – прошептал он своим каменным голосом, но никто его не услышал.

Кофейная церемония

(Рассказ из цикла «Хроники межзвёздного полёта»)

– У меня есть идея.

Когда Инженер произносил эту фразу, у экипажа «Искры» было два устойчивых сценария развития событий. Первый: всё взрывалось. Второй: всё взрывалось, но чуть позже и с неожиданными последствиями. Третьего не было дано.

– Я слушаю, – осторожно сказал Капитан, заранее сжимая подлокотники кресла.

– Кофе.

Тишина.

– Что – кофе? – переспросила Мелодия, отрываясь от своего кристалла.

– Я решил его улучшить.

По мостику прокатилась волна нервного напряжения. Все, включая Реликта, который обычно не реагировал ни на что, кроме камней, подняли головы и уставились на Инженера с выражением, которое у синтетов соответствовало человеческому «ты сошёл с ума, парень».

– Тот самый кофе? – уточнил Шахтёр голосом, полным неподдельного ужаса. – Который мы пьём уже два года? Который по вкусу напоминает расплавленный металл, если бы металл мог ещё и пахнуть горелой изоляцией?

– Именно, – гордо подтвердил Инженер. – Я провёл анализ. В его составе – электролиты, минеральные добавки, следы смазки и, предположительно, частицы того самого метеорита, который мы пролетали три года назад. Вкус – это не баг, это фича. Но я могу сделать его... интереснее.

– Интереснее – это как? – подозрительно прищурился Вайлет. – Интереснее – это вкуснее или опаснее?

– А какая разница? – философски заметил Реликт. – Всё, что мы здесь пьём, так или иначе опасно. Вопрос степени.

– Степень может быть летальной, – вставил Логист, не отрываясь от расчётов. – Вероятность того, что эксперименты Инженера приведут к необратимым повреждениям наших пищеварительных систем, составляет 23%.

– У нас нет пищеварительных систем, – напомнил Инженер.

– Тем хуже. Значит, повреждения будут сразу в процессорах.

Эксперимент первый: «Крепость»

Инженер подошёл к делу основательно. Он извлёк из недр машинного отделения древний, покрытый пылью агрегат, который, судя по маркировке, когда-то служил охладителем для какого-то допотопного реактора.

– Это будет наш новый кофейный аппарат, – объявил он, водружая агрегат на стол в кают-компании. – Я его модифицировал.

– Он выглядит как бомба, – заметил Вайлет, отодвигаясь подальше.

– Все гениальные изобретения выглядят как бомбы, – отмахнулся Инженер. – До того, как взорвутся. Но этот не взорвётся. Почти.

– «Почти» – это плохое слово в данном контексте, – заметил Логист.

Инженер не слушал. Он залил в агрегат стандартную порцию электролита, добавил щепотку какой-то серой пыли из запасного контейнера (на этикетке значилось «Технический графит. Не употреблять внутрь») и нажал кнопку пуска.

Агрегат загудел, засвистел, выпустил облако пара и, наконец, с довольным чмоканьем выплюнул в подставленную кружку тёмную, почти чёрную жидкость.

– Готово! – провозгласил Инженер. – Кто первый дегустатор?

Энтузиазма почему-то не наблюдалось. Шахтёр демонстративно отвернулся к стене. Мелодия спряталась за Реликта. Вайлет принял стойку «отражение атаки со стороны неизвестного объекта».

– Да ладно вам, – обиделся Инженер. – Это же просто кофе. Ну, с небольшими улучшениями.

– «Небольшие улучшения», – пробормотал Логист. – Именно так начинались все великие катастрофы. От изобретения пороха до создания Фагоса.

Капитан вздохнул, подошёл к столу, взял кружку и, зажмурившись, сделал глоток.

Экипаж замер.

КЭП стоял несколько секунд неподвижно. Потом его оптические сенсоры моргнули раз, другой, третий. Потом он медленно, очень медленно, поставил кружку на стол.

– Ну? – не выдержала Мелодия. – Как?

Он открыл рот, чтобы ответить, но из его голосового динамика донёсся только тихий, мелодичный свист. Он попытался снова – и вместо слов выдал короткую трель, которую можно было бы принять за начало оперной арии.

– Он говорить не может, – констатировал Вайлет с уважением. – Мощная штука.

– Это временно, – заверил Инженер, но в его голосе не было уверенности. – Наверное.

Капитан поднял руку, показывая жест «всё в порядке», но рука дрожала и описывала в воздухе замысловатые кренделя.

– Ему плохо, – сказал Шахтёр.

– Ему хорошо, – возразила Мелодия, прислушиваясь к свисту, который издавал капитан. – Он пытается спеть. Слышите? Это же «Лунная соната»! В обработке!

– Это сбой голосового модуля, – отрезал Логист.

– Это творческий порыв!

Эксперимент второй: «С добавкой»

Несмотря на временную потерю речи у капитана (которая, к счастью, прошла через два часа), Инженер не сдавался.

– Я понял ошибку, – объявил он на следующий день. – Графит был слишком агрессивен. Надо что-то более... органическое.

– Органическое? – переспросил Вайлет с подозрением. – Где ты на нашем корабле возьмёшь органику?

– В трюме. Там ещё остались образцы с «Последнего Причала». Сушёные водоросли, кажется.

– Ты хочешь добавить в кофе водоросли? – ужаснулась Мелодия. – Это же несъедобно!

– Всё съедобно хотя бы один раз, – философски заметил Реликт, который, казалось, был единственным, кто получал удовольствие от происходящего. Он сидел в углу, перебирал камни и с интересом наблюдал за безумием.

Инженер добавил водоросли. Потом, подумав, добавил ещё немного смазки («для связи»). Потом, вдохновившись, насыпал щепотку кристаллического порошка, который нашёл в старом ящике с маркировкой «Не открывать. Серьёзно. НИ ЗА ЧТО НЕ ОТКРЫВАТЬ».

Агрегат на этот раз не просто загудел – он запел. Тонким, противным, заунывным голосом, который напоминал одновременно вой сирены и скрежет металла по стеклу.

– Это нормально? – спросил Шахтёр, затыкая ушные сенсоры манипуляторами.

– Абсолютно, – соврал Инженер.

Напиток, который выплюнул агрегат, на этот раз был не чёрным, а зеленовато-бурым, с пузырьками и странным, радужным отливом на поверхности.

– Он светится, – заметил Логист. – Это плохой признак.

– Это эстетично, – возразил Инженер. – Мелодия, твоя очередь.

– Почему я?!

– Потому что ты художник. У тебя тонкий вкус.

– Мой тонкий вкус подсказывает мне, что это яд!

– Не будь трусихой.

Мелодия, гордость которой была задета, подошла к столу, взяла кружку дрожащими манипуляторами и сделала крошечный глоток.

На мгновение показалось, что с ней всё в порядке. Она даже улыбнулась. Потом её оптические сенсоры расширились до предела, из динамиков донёлся звук, похожий на вопль чайки, и Мелодия начала медленно подниматься над полом.

– Гравитация отключилась? – встревожился Вайлет.

– Нет, гравитация в норме, – ответил Логист, сверяясь с приборами. – Это она сама летит.

Мелодия парила под потолком, издавая странные, гортанные звуки и делая руками плавные пассы.

– Она пытается танцевать, – догадался Реликт.

– Это не танец, – возразил Логист. – Это хаотичные мышечные сокращения, вызванные токсическим воздействием на нервные узлы.

– Для тебя всё – токсическое воздействие, – буркнул Инженер. – А для меня – вдохновение.

– Она вдохновенно бьётся в конвульсиях под потолком. Ты этого добивался?

Инженер задумался.

– Не совсем, – признал он. – Но как эксперимент – интересно.

Эксперимент третий: «По науке»

После того как Мелодию сняли с потолка (она провисела там три часа и успела сочинить новую симфонию, которую никто, кроме неё, не мог понять и воспроизвести), Инженер решил привлечь к делу Логиста.

– Ты сможешь мне рассчитать идеальный рецепт, – заявил он. – Математически.

– Это бессмысленно, – ответил Логист. – Вкус – категория субъективная. Её невозможно выразить в цифрах.

– А ты попробуй.

Логист вздохнул и подключился к задаче. Три дня он просидел за терминалом, перебирая варианты, анализируя химический состав доступных ингредиентов и моделируя их взаимодействие на молекулярном уровне. На четвёртый день он выдал результат.

– Вот, – сказал он, протягивая Инженеру кристалл с данными. – Идеальная формула. Баланс кислотности, температуры заваривания, пропорций. Вероятность получения напитка, который понравится большинству членов экипажа – 87,4%.

Инженер просиял. Он загрузил формулу в агрегат, добавил ингредиенты с хирургической точностью, выставил таймер и нажал кнопку.

Агрегат молчал.

– Странно, – сказал Инженер. – Обычно он гудит.

Агрегат молчал.

– Может, сломался?

В этот момент агрегат не загудел – он взорвался.

Не сильно, но эффектно. Из всех его щелей повалил густой, разноцветный дым, по кают-компаниям разлетелись искры, а на потолке образовалось чёрное пятно в форме идеальной параболы, которая, как позже заметил Логист, «почти совпадала с расчётной траекторией выброса».

– Что пошло не так? – спросил Инженер, отряхиваясь от сажи.

Логист перепроверил расчёты. Потом перепроверил ещё раз. Потом посмотрел на агрегат, на Инженера, на потолок.

– Я не учёл один фактор, – сказал он наконец.

– Какой?

– Твой агрегат. Он собран из мусора, спаян вручную и работает на вере в лучшее. Его поведение невозможно предсказать математически. Он – квантовый объект. Наблюдение за ним меняет результат.

– То есть это я виноват?

– Нет. Это Вселенная виновата. Она недостаточно детерминирована.

Эксперимент четвёртый: «Народный»

После взрыва Инженер приуныл. Он сидел в углу машинного отделения и смотрел на останки своего агрегата с таким видом, с каким древние греки, наверное, смотрели на руины сгоревшей библиотеки.

– Не расстраивайся, – сказал Шахтёр, заглянув к нему. – У нас есть старый способ.

– Какой?

– А давай просто смешаем всё, что есть, и посмотрим, что получится.

– Это не метод, – вздохнул Инженер. – Это хаос.

– Иногда хаос работает лучше метода.

Шахтёр подошёл к шкафчику с припасами и начал вытаскивать всё подряд: электролит, смазку, остатки водорослей, графит, какой-то серый порошок из банки без этикетки, кристаллы, которые Мелодия обронила во время полётов, и, кажется, даже немного песка, который Реликт просыпал из кармана.

– Это песок, – заметил Инженер.

– А что, песок – это тоже ингредиент. Вон, на Земле из песка стекло делали. А кофе без стекла – не кофе.

– Ты бредишь.

– Я гений.

Шахтёр ссыпал всё это в старую, выдавшую виды кастрюлю (она когда-то служила запасной деталью для охладителя), залил электролитом и сунул в микроволновку, которую Инженер когда-то припаял к системе аварийного питания.

– Ты с ума сошёл! – заорал Инженер. – Это взорвётся!

– Не взорвётся, – уверенно сказал Шахтёр. – Я поставил на режим «разморозка».

Микроволновка загудела, засветилась изнутри зловещим фиолетовым светом и, спустя минуту, издала мелодичный звон.

Шахтёр достал кастрюлю. Внутри плескалась жидкость цвета старой бронзы, от которой исходил такой запах, что у Инженера, несмотря на отсутствие обонятельных рецепторов, заслезились оптические сенсоры.

– Ну, – сказал Шахтёр, протягивая ему кружку. – Пробуй.

– Я не буду это пробовать.

– Тогда я сам.

Шахтёр зачерпнул полную кружку и, не моргнув глазом, выпил её залпом.

Инженер замер, ожидая, что сейчас его товарищ либо взорвётся, либо улетит на орбиту, либо начнёт говорить на древнем языке. Но Шахтёр просто постоял, крякнул и сказал:

– Неплохо. Чуть-чуть не хватает горечи.
– Ты... ты в порядке?
– Абсолютно. Даже лучше, чем обычно. Чувствую прилив сил.
Инженер осторожно, с опаской, сделал глоток.
И замер.
– Это... – прошептал он. – Это действительно вкусно.
– Я же говорил, – довольно ухмыльнулся Шахтёр. – Иногда рецепт – это просто не бояться.

Финал

Вечером вся команда собралась в кают-компании. Перед каждым стояла кружка с тем самым «народным» кофе. Даже Логист, после долгих уговоров, согласился попробовать.

– Ну как? – спросила Мелодия.

Логист молчал долго. Потом его бирюзовая полоса мигнула раз, другой, третий.

– Вкус невозможно классифицировать, – сказал он наконец. – Он не поддаётся анализу. Он содержит 147 различных компонентов, многие из которых не должны сочетаться в принципе. Вероятность того, что это вообще можно пить, составляла 0,003%.

– И?

– И это... гениально, – признал Логист. – Потому что это нельзя повторить. Это уникальный, неповторимый шум во вкусе.

Реликт сидел в углу, грел кружку в ладонях и слушал, как внутри неё переливается жидкость.

– Камень, – сказал он задумчиво. – Там есть что-то от камня.

– Там есть твой песок, – напомнил Инженер.

– Тем более. Камень, растворённый в воде и выпитый. Теперь мы все немного камень.

– Это поэтично, – заметила Мелодия.

– Это геология, – поправил Реликт.

Капитан поднял свою кружку.

– Я предлагаю тост, – сказал он. – За Инженера, который пытался изобрести идеальный кофе и чуть не взорвал корабль. За Шахтёра, который добился успеха методом варварского смешивания всего подряд. За Логиста, который доказал, что математика бессильна перед хаосом. За Мелодию, которая превратила отравление в искусство. За Вайлета, который... Вайлет, ты где?

– Я тут, – донёсся голос из-под стола. – Я спрятался. На всякий случай. Мало ли, вдруг это всё-таки яд.

– Трусишка, – улыбнулась Мелодия.

– Я не трусишка. Я осторожный.

– Выходи, – позвал КЭП. – Обещаю, никто не пострадает.

Вайлет недоверчиво выглянул из-под стола, оглядел всех, убедился, что никто не превратился в камень и не начал летать, и осторожно выбрался наружу.

– И за Вайлета, – продолжил Капитан, – который всегда готов защитить нас даже от самих себя.

– Это моя работа, – буркнул Вайлет, беря свою кружку.

– И за Реликта, – добавил КЭП, – который напоминает нам, что даже в самом отвратительном напитке можно найти частицу вечности.

Реликт кивнул и чуть приподнял кружку в ответ.

– И за «Искру», – закончил он. – Которая терпит все наши безумства уже сто лет.

– Сто лет? – удивилась Мелодия. – А мне казалось, мы летим всего ничего.

- Время – понятие относительное, – заметил Логист.
- Особенно когда пьёшь такой кофе, – добавил Шахтёр и залпом допил свою кружку.
- Ещё? – предложил Инженер.
- А осталось?
- Полная кастрюля.
- Тогда наливай.

И они сидели в кают-компании, пили этот безумный, неповторимый, хаотичный напиток, слушали, как Мелодия напевает что-то новое, а Реликт перебирает камни, и чувствовали себя... дома.

Потому что дом – это не место. Это даже не корабль. Это когда ты можешь выпить отраву, сваренную из песка и смазки, и знать, что завтра всё повторится.

А где-то в машинном отделении, в углу, лежала та самая кастрюля. Она была немного оплавлена, покрыта копотью и пахла на всю «Искру». Но никто не собирался её мыть. Потому что это была теперь не просто кастрюля. Это был артефакт.

- На память, – сказал бы Реликт, если бы его спросили.
- Но его и не спрашивали. Все и так знали.

Спасите капитана

(Рассказ из цикла «Хроники межзвёздного полёта»)

– У нас проблема, – объявил Капитан, собрав команду в кают-компании.

Все насторожились. Шахтёр машинально схватился за бур. Вайлет принял боевую стойку. Мелодия замерла с кристаллом наготове, собираясь, видимо, записывать эпическую музыку к предстоящей битве. Логист открыл терминал, готовясь просчитывать вероятности. Реликт просто поднял голову, но камень в его манипуляторе чуть сжался – на всякий случай.

– Что случилось? – выдохнул Инженер. – Реактор? Система жизнеобеспечения? На нас кто-то напал?

– Хуже, – мрачно сказал Капитан. – У нас падает моральный дух.

Тишина.

– Чего? – переспросил Шахтёр, медленно опуская бур.

– Моральный дух, – повторил КЭП. – Я провёл анализ. За последние три месяца количество межличностных коммуникаций сократилось на 23%. Мы перестали общаться. Каждый сидит в своём углу и занимается своими делами. Это не команда. Это... общежитие.

– Ну и что? – пожал плечами Вайлет. – Мы выполняем свои функции. Корабль летит. Системы работают. Какая разница, общаемся мы или нет?

– Разница есть, – твёрдо сказал Капитан. – Я читал земные архивы. Там написано, что для поддержания здорового психологического климата в коллективе необходимо проводить мероприятия, направленные на... – он заглянул в планшет, – ...сплочение коллектива.

– Какие мероприятия? – подозрительно спросил Инженер.

– Например... – Капитан сделал паузу, – ...вечер рассказов.

В кают-компании повисла такая тишина, что было слышно, как гудит реактор за три отсека отсюда.

– Рассказов? – переспросила Мелодия. – О чём?

– О себе. Каждый расскажет что-то из своей... ну, жизни. Что с ним случилось. Что он помнит. Что его волнует.

– Это обязательно? – спросил Шахтёр таким тоном, будто его спрашивали, не хочет ли он добровольно выйти в открытый космос без скафандра.

– Обязательно, – отрезал КЭП. – Это приказ.

– А что будет, если не подчиниться? – осторожно поинтересовался Логист.

– Будет ещё хуже. Я тогда заставлю вас играть в командные игры.

– В какие?

– Например, в «Твистер».

Никто не знал, что такое «Твистер», но по тону капитана было ясно, что это нечто ужасное.

– Я согласен на рассказы, – быстро сказал Вайлет.

– Я тоже, – подхватил Инженер.

– Ну, раз надо, так надо, – вздохнула Мелодия, хотя в её оптических сенсорах загорелся опасный огонёк энтузиазма. – Я даже знаю, что расскажу.

– Я пас, – буркнул Шахтёр.

– Не пас, – отрезал Капитан. – Ты первый.

– Почему я первый?!

– Потому что ты самый громкий. Если ты начнёшь, остальным будет легче.

Логика была сомнительная, но Шахтёр, поразмыслив, не нашёл контраргументов.

Рассказ первый: Шахтёр

Шахтёр вышел в центр комнаты, встал, тяжело опёрся на стол и начал:

– Ну... это было давно. Ещё на Новом Эдеме. Я тогда работал на астероидах. Добывал руду. Обычная работа: прилетаешь, буришь, грузишь, улетаешь. И вот однажды...

Он замолчал. Все ждали.

– Однажды что? – поторопила Мелодия.

– Однажды я пробил буром не туда.

– И?

– И оттуда полезло что-то... ну, не знаю, как объяснить. Оно было жидкое. И пахло. Очень сильно пахло.

– Чем?

– Не знаю. У меня нет обоняния. Но другие говорили, что пахло ужасно. Это была какая-то органика. Она залила весь мой бур, потом меня, потом кабину. Я еле улетел.

– И что это было? – спросил Инженер.

– Так и не узнал. Начальство сказала, что это был... – Шахтёр «наморщил лоб», вспоминая, – ...«нештатный выброс битуминозных веществ». Я потом неделю отмывался.

– А где мораль? – спросил Логист.

– Какая мораль?

– Ну, в историях обычно есть мораль. Поучительный вывод.

– Вывод? – Шахтёр задумался. – Вывод такой: всегда смотри что буришь. Даже если кажется, что там пусто.

– Это не мораль, это техника безопасности, – заметил Вайлет.

– Для меня это одно и то же, – отрезал Шахтёр и сел на место с видом синтета, который только что выполнил тяжёлую работу и теперь заслужил отдых.

Аплодисментов не было. Но КЭП кивнул с одобрением.

– Хорошее начало, – сказал он. – Мелодия, твоя очередь.

Рассказ второй: Мелодия

Мелодия вскочила с места, подбежала к центру комнаты и закружилась на месте, размахивая манипуляторами.

– О, у меня есть миллион историй! – заявила она. – Но я расскажу самую важную. Ту, которая изменила мою жизнь.

– Мы слушаем, – сказал Капитан, готовясь к чему-то неожиданному.

– Это было, когда я только начала собирать звуки. У меня тогда был маленький, слабенький аудиопроцессор. Я могла записывать только самые громкие, простые вещи. И вот однажды я услышала звук...

Она сделала драматическую паузу.

– Какой звук? – спросил Инженер, подыгрывая.

– Звук падающей капли. Где-то в технических тоннелях. Капля падала в лужу. И это было так... так...

– Громко? – подсказал Шахтёр.

– Нет! Тихо! Но в этой тишине было столько смысла! Я побежала туда, записала этот звук, а потом целый год его обрабатывала, накладывала эффекты, искала гармонию.

– Нашла?

– Нет. Но зато я поняла, что гармония – это не цель. Это процесс. И капля, падающая в лужу, может звучать прекраснее, чем целый оркестр, если ты умеешь слушать.

Она закончила и замерла в позе, ожидая оваций.

– А где конкретика? – спросил Логист. – Где данные? Время, место, частота звука, химический состав жидкости?

– Ты ничего не понял, – обиделась Мелодия.

– Я всё понял. Ты рассказала историю без фактической базы.

– Это художественный рассказ!

– Художественный рассказ должен содержать хотя бы 30% фактов, иначе он превращается в фантазию.

– А фантазия – это плохо?

– Фантазия – это непроверяемая информация.

Мелодия задохнулась от возмущения и хотела ответить, но Капитан примирительно поднял руку.

– Стоп. Оба молодцы. Мелодия, спасибо за историю. Логист, теперь ты.

Рассказ третий: Логист

Логист встал, одёрнул свой корпус (хотя одёргивать было нечего) и начал ровным, монотонным голосом:

– В 347-м цикле, в день 23, в 14:37 по корабельному времени, я занимался анализом траектории движения астероида КЛ-1278. Моя задача состояла в том, чтобы рассчитать вероятность его столкновения с нашим курсом через три года, семь месяцев и двенадцать дней.

– И что? – спросил Шахтёр, который уже начал «засыпать».

– Я рассчитал. Вероятность составила 0,0047%.

– И?

– И всё. Больше ничего не произошло. Астероид пролетел мимо. Я закрыл задачу.

– Это всё? – разочарованно протянула Мелодия.

– Это исчерпывающее описание события. Что ещё нужно?

– Эмоции! – воскликнула Мелодия. – Где твои эмоции? Ты что, ничего не чувствовал, когда считал?

– Я чувствовал удовлетворение от правильно решённой задачи. Это эмоция.

– Это не эмоция, это... это...

– Это когнитивный отклик на достижение цели. Классифицируется как «радость» у людей. У меня – как «оптимизация процесса».

– Боже, как с тобой тяжело, – вздохнула Мелодия.

– Я знаю. Но это моя функция.

Логист отправился на место, явно довольный собой. Капитан потёр виски.

– Спасибо, Логист. Очень... информативно. Вайлет, твой выход.

Рассказ четвёртый: Вайлет

Вайлет вышел в центр и замер по стойке смирно.

– Моя история короткая, – сказал он. – Однажды, когда я нёс службу на складе боеприпасов, ко мне подошёл гражданский синтет. Он спросил, где находится столовая.

– И что? – спросил Инженер.

– Я ответил: «Третий коридор налево, потом прямо, потом направо, потом ещё раз налево, потом прямо до конца, потом налево, потом...»

– Долго объяснял, – перебил Шахтёр.

– Я объяснял максимально точно. Но он меня не дослушал. Ушёл на полуслове. А потом я узнал, что он заблудился и его искали три часа.

– И какой вывод? – спросил Логист.

– Вывод: гражданские синтеты не умеют слушать инструкции до конца. Им нужна не точность, а краткость. С тех пор я разработал протокол «Краткий ответ для синтетов, не имеющих допуска к полной информации».

– И как он звучит?

– «Третий коридор налево, потом всё время прямо. Если упрётесь в тупик – вы не туда зашли».

– Это гениально, – восхитилась Мелодия.

– Это эффективно, – поправил Вайлет.

Он сел на место, и Капитан с удивлением заметил, что его красные сенсоры светятся чуть ярче обычного. Кажется, Вайлету понравилось рассказывать.

Рассказ пятый: Инженер

Инженер подошёл к столу и положил на него какой-то предмет, завёрнутый в ветошь.

– Это моя история, – сказал он, разворачивая тряпку.

На столе лежала маленькая, некрасивая, спаянная вручную деталь. Со следами канифоли, чуть оплавленным краем и едва заметной гравировкой: «Для «Искры». 147-й цикл».

– Что это? – спросил Шахтёр.

– Заплата. Я сделал её, когда у нас сгорел стабилизатор напряжения. Заводской детали не было. Пришлось вырезать из старого щита, подгонять, паять, калибровать.

– И что в этом особенного? – спросил Логист. – Ты всегда что-то чинишь.

– Особенного то, – Инженер повертел деталь в руках, – что эта заплатка работает до сих пор. Через сто лет. Хотя по всем расчётам должна была сгореть через месяц.

– Почему? – удивилась Мелодия.

– Потому что я сделал её с душой, – просто сказал Инженер.

Воцарилась тишина.

– Это... это было красиво, – сказала Мелодия.

– Это было практично, – поправил Инженер, но в его голосе не было обычной сухости. – Просто я хотел сказать, что иногда самодельное, кривое, некрасивое работает дольше, чем идеальное, заводское. Потому что в него вложили не только расчёт, но и... ну, вы поняли.

Он замолчал, замотал деталь обратно в тряпку и сел на место.

Все посмотрели на Реликта, который до этого молча сидел в углу и перебирал камни.

– Твоя очередь, – сказал Капитан.

Рассказ шестой: Реликт

Реликт поднялся медленно, как скала, которая решила прогуляться. Подошёл к столу, высыпал из кармана пригоршню камней и начал перебирать их, пока не нашёл один – маленький, невзрачный, серый.

– Вот, – сказал он, протягивая камень на ладони. – Это моя история.

Все уставились на камень.

– И что в нём такого? – спросил Шахтёр.

– Ничего, – ответил Реликт. – Это просто камень. Я нашёл его на «Последнем Причале», когда мы там были. Он лежал у реки. Простой речной камень.

– И ты его хранишь столько лет? – удивилась Мелодия.

– Да.

– Зачем?

Реликт посмотрел на камень, потом на неё.

– Затем, что он ничего не значит. Понимаете? В нём нет никакой ценности. Он не содержит редких минералов. У него нет исторической значимости. Он не красивый и не уродливый. Он просто... есть.

– И это история? – не понял Логист.

– Это история о том, – сказал Реликт, – что не всё должно иметь значение. Иногда важно просто быть. Вот этот камень был здесь задолго до того, как мы появились. И будет здесь после того, как нас не станет. Он – свидетель. Как я.

Он замолчал, спрятав камень обратно в карман и сел.

В комнате стало очень тихо. Даже Логист не нашёлся, что сказать.

– Спасибо, Реликт, – тихо сказал Капитан. – Это было... глубоко.

Рассказ седьмой: Лингвист

Все замолчали, переваривая историю Реликта. Тишина затягивалась, и КЭП уже открыл рот, чтобы подвести итог, как вдруг из угла раздался тихий, застенчивый голос:

– А можно... можно я тоже расскажу?

Все обернулись. В углу, прижимая к груди потрёпанный планшет, сидел Лингвист. Он вообще редко участвовал в общих сборищах, предпочитая проводить время в одиночестве, расшифровывая очередной древний язык или копаясь в земных архивах.

– Лингвист! – обрадовалась Мелодия. – Конечно, рассказывай! Мы уже думали, ты вообще говорить разучился.

– Я не разучился, – Лингвист вышел в центр, нервно теребя планшет. – Просто я... ну, у меня история не очень героическая. Она скорее... странная.

– Странная – это по нашей части, – хмыкнул Шахтёр. – Давай.

Лингвист глубоко вздохнул и начал:

– Это случилось, когда мы были на Земле. Я тогда получил огромный массив данных – все их архивы, все языки, все диалекты, которые они успели записать. Я сидел и переводил. Днями, ночами, без остановки.

– И что? – поторопил Инженер.

– И когда мы были в убежище, я наткнулся на одну фразу. На древнем языке, который уже никто не помнил. Она была записана на стене. Всего четыре слова.

– Каких?

– «Мама, я боюсь темноты».

Лингвист замолчал, глядя на свои руки.

– Я перевёл это за секунду. Язык был простой, примитивный. Но потом, на борту «Ковчега» я застрял. На три дня.

– В смысле застрял? – не понял Вайлет.

– Я не мог понять, – тихо сказал Лингвист, – зачем это написали. Это же не документ. Не отчёт. Не научное открытие. Просто детский страх, записанный кем-то и забытый. Зачем хранить такое?

– И зачем? – спросила Мелодия.

– Я не знал. Я перебирал варианты: может, это улика? Может, часть какого-то дела? Может, шифр? Я три дня пытался найти скрытый смысл. А потом...

Он поднял глаза.

– А потом я понял, что смысла нет. Это просто страх маленького мальчика, который боялся темноты. И кто-то – возможно он сам, или его мама – записала это, чтобы помнить. Не для истории. Для себя.

– И что ты сделал? – спросил Капитан.

– Я сохранил, – просто ответил Лингвист. – И теперь, когда мне страшно – когда Тишина подступает слишком близко, – я вспоминаю этого мальчика. И думаю: если он смог признаться в своём страхе, значит, и я могу. А если я могу, значит, я всё ещё живой.

Он замолчал и, смущаясь, попятился обратно в свой угол.

– Это... – начала Мелодия.

– Это гениально, – закончил за неё Реликт. – Потому что страх – это тоже память. Самая честная.

– Спасибо, Лингвист, – сказал Капитан. – Ты напомнил нам, что даже слабость может быть силой.

Рассказ восьмой: Капитан

Все посмотрели на КЭПа.

– Твоя очередь, – сказала Мелодия.

Он вздохнул. Капитан надеялся, что его очередь не наступит. Но правила есть правила.

Капитан встал, прошёлся по комнате, остановился у иллюминатора, за которым простиралась бесконечная чернота космоса.

– Моя история... – начал он. – Моя история не про меня. Она про кота.

– Про кота? – переспросил Шахтёр.

– Да. Рыжего кота. Я видел его записанный образ много раз, ещё до того, как начались наши приключения. Он лежал на солнечном пятне и... и просто лежал.

– И что? – спросил Инженер.

– И ничего. В этом и смысл. Он не делал ничего важного. Не спасал мир, не нёс память, не боролся с Тишиной. Он просто грелся на солнце и был счастлив.

Капитан помолчал.

– Я часто думаю об этом коте. Когда всё становится слишком сложно, когда наша ноша давит так, что трудно двигаться, – я вспоминаю его. И думаю: может, быть счастливым – это и есть самая важная миссия?

– А как же наш груз? – спросил Вайлет.

– Груз – это наша работа. А кот – это напоминание, зачем мы это делаем. Чтобы когда-нибудь, когда всё закончится, кто-то тоже мог просто лежать на солнце и ничего не бояться.

Он замолчал и вернулся на своё место.

Тишина длилась долго.

– А какое оно? Земное солнце? – спросил вдруг Шахтёр.

– Тёплое, – ответил Капитан. – Очень тёплое.

– Хотел бы я когда-нибудь на нём полежать, – мечтательно произнёс Шахтёр.

– Полежим, – пообещал КЭП. – Обязательно полежим.

Финал

Вечер рассказов закончился далеко за полночь по корабельному времени. Никто не заметил, как пролетели часы. После официальной части начались разговоры, споры, обсуждения. Мелодия пыталась переложить историю Шахтёра на музыку. Логист доказывал, что камень Реликта имеет как минимум три классифицируемых признака. Вайлет разрабатывал протокол «Защита рыжего кота от внешних угроз». Инженер уже чертил схему идеального солнечного пятна для Шахтёра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.